ЭДУАРДЪ ВОРТЛЕЙ,

ПИСАНІЕ

СВѢТЛѢЙШАГО СОЧИНИТЕЛЯ

ЗАПИСОКЪ

СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической

съ Указнаго дозволенія.

1787.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ,

МОСКОВСКОМУ

ПОЧТЪ-ДИРЕКТОРУ

И

Ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владимира Третьей Степени

КАВАЛЕРУ,

БОРИСУ ВОЛОДИМИРОВИЧУ

ПЕСТЕЛЮ.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Какъ издревле по нынѣ еще ведется обычай посвящать какую либо сооруженную, или сдѣланную нами вещь имяни почитаемыхъ нами Особъ: то и я, слѣдуя сему обыкновенію, щастливымъ себя почту, естьли удостоите Вашего принятія сей малый и первоначальный опытъ моего труда, содержащій въ себѣ хотя не иное что, какъ извѣстіе, взятое изъ сочиненія Г. Векрлина, подъ заглавіемъ его Хронологіи, и переведенное мною съ Нѣмецкаго на Россійской языкъ, о извѣстномъ

свѣту ученомъ человѣкѣ, столь же заслуживающемъ похвалу рѣдкими его дарованіями, сколь и негодованіе не соотвѣтствующими съ дарованіями его поступками. Но какъ оное отчасти принадлежитъ къ исторіи; человѣческой же умъ довольствуется не однимъ обыкновеннаго произшествія познаніемъ, но и несогласующихся съ порядкомъ, дабы, имѣя примѣры похвалы достойныхъ дѣлъ, и противныхъ тому, могъ удобнѣе почерпать изъ оныхъ полезное къ просвѣщенію своему, подобно трудолюбивой пчелѣ, собира-

бирающей нужное ей какъ съ добрыхъ, такъ равно и съ негодныхъ цвѣтовъ: то почелъ я, что съ таковыми мыслями переведенное мною и поднесенное присемъ Вашему Превосходительству **Писаніе Свѣтлѣйшаго Сочинителя записокъ свѣтскаго человѣка**, есть-ли и не принесетъ нѣкотораго удовольствія любопытству любящимъ чтеніе, но незнающимъ Нѣмецкаго языка, то по крайней мѣрѣ изъявлю симъ приношеніемъ небольшихъ моихъ трудовъ истинную къ Вамъ мою преданность, испросивъ при-

 томъ

томъ милостиваго Вашего снисхожденія къ усмотреннымъ въ семъ переводѣ недостаткамъ.

Примите Ваше Превосходительство сіе искреннѣйшее изъявленіе Вамъ служащаго подъ повелѣніями вашими его преданности и высокопочитанія, съ каковыми чувствами пребыть честь имѣю

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Нижайшимъ слугою.

І. М.

ЭДУАРДЪ
ВОРТЛЕЙ,

Писаніе свѣтлѣйшаго Сочинителя записокъ свѣтскаго человѣка.

Кавалеръ *Монтегю* не въ Константинополѣ родился, какъ-то многіе несправедливо думали. Сіе ложное мнѣніе, чаятельно произшедшее отъ одной молвы, разпространило слухъ во всей Европѣ, будто *Магометъ* V пользовался отличными ласками *Леди Монтегю* въ то время, когда она съ супругомъ своимъ, бывшимъ у Оттоманской Порты Посланникомъ, находилася при Дворѣ сего Императора.

Сей Кавалеръ родился въ Лондонѣ, и еще до отъѣзда матери его въ *Левантъ*. Здѣсь слѣдуетъ писанное объономъ имъ самимъ: „Я благодарю васъ за лестное о „мнѣ ваше мнѣніе, писанное ва„ми о мнѣ отчасти справед„ливо, отчасти же несправед„ливо. . . . Я родился не въ Кон„стантинополѣ. То была сестра „моя *Леди Бюде*, которая тамъ „родилась. . . . Покойнымъ Сул„таномъ я былъ весьма любимъ; „но онъ еще самъ былъ двумя, „или тремя годами меня мо„ложе.„

О мнимой привязанности Кавалера *Монтегю* къ Греческой церкви въ Смирнѣ, въ самомъ томъ же письмѣ писалъ онъ ко мнѣ: „Лѣточисленіе Смирнской „церкви несправедливо. Въ быт„ность мою въ Турецiи я нико„гда не находился въ мѣстѣ, по-

„свя-

„ священном такому закону, ко-
„ торой бы погрѣшал противъ
„ ариѳметики. „

Сколь ни великую чувствовал страсть *Кавалеръ Монтегю* къ женскому полу и къ путешествіямъ, однакожъ не препятствовала оная упражненію его въ наукахъ, къ которымъ онъ еще болѣе былъ пристрастенъ.

Сія страсть оказалася въ немъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда немногіе люди о томъ думаютъ посреди военнаго шуму и во время безпокойствъ отъ путешествія.

Кавалеръ *Монтегю*, какъ извѣстно, служилъ въ войскѣ подъ повелѣніями покойнаго Герцога Кумберландскаго, и оказалъ довольныя заслуги какъ въ войскѣ, такъ и въ переговорахъ, къ которымъ Герцогъ его употреблялъ. Оставшееся время отъ исправленія

дѣлъ

дѣлъ употреблялъ онъ на снисканіе знанія въ наукахъ, и часто на глубочайшія и труднѣйшія изслѣдованія. Въ сіе-то время научился онъ Еврейскому, Халдейскому, Арабскому и Персидскому языкамъ, на которыхъ послѣ того съ такою же легкостію изъяснялся, какъ и на Аглинскомъ. Онъ столь же знающъ былъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Италіянскомъ и Гишпанскомъ, какъ во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

Епископъ *Варбуртонъ* въ то время издалъ въ свѣтъ книгу, столь же важную по содержащимся въ ней пространнымъ знаніямъ, какъ и по сомнительнымъ ея доводамъ, когда Кавалеръ *Вортлей Монтегю* наиболѣе углублялся въ наукахъ. Извѣстно, что сей Епископъ хочетъ въ оной книгѣ доказать превосходство

Хри-

Христіанскаго закона посредствомъ нѣкоторыхъ надписей, которыя, какъ сказываютъ, находятся при подошвѣ Синайской горы.

Истолкованіе Доктора Варбуртона признано было нѣкоторыми учеными людьми за справедливое, другими же было опровергаемо; и казалося, что споры дальнѣйшія возъимѣютъ слѣдствія, какъ вдругъ вздумалося Кавалеру *Монтегю* ѣхать на означенное мѣсто и изслѣдовать тѣ надписи.

Въ семъ-то намѣреніи прилѣжалъ онъ къ совершенному познанію древнихъ и новыхъ восточныхъ языковъ.

Коль скоро возстановленъ былъ въ Европѣ миръ, то получилъ онъ увольненіе отъ службы, и сѣвъ на корабль, отправился въ Египетъ.

По прибытіи своемъ изобралъ онъ себѣ тамъ жилище не подалеку отъ Синайской горы, откуда почасту ѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ Палестины; и какъ онъ имѣлъ позволеніе рыть въ оныхъ мѣстахъ землю, то дѣлалъ достопамятнѣйшія и рѣдчайшія изобрѣтенія. Вышепомянутыя надписи столь изрядно обьяснилъ онъ, что прекратилися всѣ споры.

Здѣсь-то Кавалеръ *Монтегю* вырылъ тѣ рѣдкія монеты, которыя не столь сами по себѣ, сколь по точности его изьясненія достопамятны. Сими изьясненіями столь великую пріобрѣлъ онъ себѣ славу, что Королевское въ Лондонѣ Общество, которому оныя были присланы, удостоило его принять въ свои сочлены.

Сколь прилѣжно Кавалеръ *Монтегю* ни занимался въ выкапываніи древностей, въ чтеніи и испол-

истолковании сокровеннѣйшихъ надписей и собиранiи рѣдкихъ монетъ; но еще охотнѣе занимался онъ вездѣ, гдѣ ни случалося ему во время путешествiя своего останавливаться, въ собиранiи пригожихъ дѣвицъ, о которыхъ всевозможное имѣлъ онъ попеченiе.

Вортлей имѣлъ отмѣнную склонность къ узаконенiямъ, обычаямъ и нравамъ восточныхъ жителей; почему для него и не довольно было имѣть многочисленной сераль въ Константинополѣ, въ Смирнѣ, въ Палестинѣ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ни жилъ; но еще одѣвался въ Турецкое платье, и жилъ по сему обычаю.

Должно думать, что съ таковыми склонностями малаго стоило ему труда принять и Магометанской законъ; что однакожъ

накожъ несовершенно еще доказано. Сіе имѣетъ основаніемъ одинъ только видъ. Справедливо, что Кавалеръ *Монтегю* не только въ Турціи по обычаю Музульмановъ ходилъ, но и во время частыхъ его путешествій въ Венецію, особливо въ послѣднія лѣта его жизни, не иначе видѣли его одѣтаго, какъ по обычаю восточныхъ жителей, въ чалмѣ и съ большею бородою.

О семъ писалъ онъ ко мнѣ въ 1775 году слѣдующее: „Вы упоми„наете о чалмѣ? -- Такъ, я люблю сей „уборъ, и во всю мою жизнь она„го не скину. Что! развѣ сіе „хуже, нежели сдѣланной изъ му„ки и сала пластырь?„

Я такихъ мнѣній, писалъ въ томъ же самомъ письмѣ Кавалеръ *Монтегю*, что находимыя въ каменистой Аравіи надписи всѣ

удоб-

удобны къ разобранію; но что сіе не стоитъ того труда.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ получилъ я отъ Кавалера *Вортлея* еще письмо, въ которомъ пишетъ: „Весьма справедливо „дѣлаютъ, что оставляютъ мнѣ „трудъ, самому увѣдомитъ о себѣ „свѣтъ. Я исполню оное, когда „за нужное почту. . . Чтожъ „принадлежитъ до слѣдствій моихъ „путешествій, то въ томъ ни„кому другому не почитаю себя „обязаннымъ давать отчетъ, „какъ только Королевскому Обще„ству, къ которому имѣю честь „принадлежать; оному посылаю „я иногда листъ бумаги, и ни„когда не удерживаю у себя съ „онаго списка.„

Вортлей имѣлъ обыкновеніе запечатывать свои письма тремя разными Арабскими печатьми,

содержащими въ себѣ нѣкоторые стихи изъ Алкорана.

Не однѣ сіи обыкновенія подавали причину подозрѣвать въ Венеціи Кавалера *Вортлея* въ привязанности его къ Турецкому закону: необыкновенное и удивительное его поведеніе утверждало весь свѣтъ во мнѣніи, почитать его за беззаконнѣйшаго изъ Музульмановъ.

Онъ имѣлъ у себя молодаго Арапа, съ которымъ обхожденіе его весьма было подозрительно.

Всякое утро *Вортлей* вставалъ еще до восхожденія солнца; онъ начиналъ день, какъ прямый Музульманъ, частымъ омываніемъ своего тѣла и прочитываніемъ изъ Алкорана молитвъ. Чрезъ часъ будилъ уже онъ молодаго своего Арапа, мерзское и ни куда годное твореніе, произведенное пустою Абиссиніею. Повелитель его простран-

странную говорилъ ему рѣчь о преимуществѣ и изящности Магометанскаго закона.

Въ продолженіи сей его рѣчи Арапъ слушалъ съ почтительнымъ видомъ, прижавъ руки крестообразно къ груди и не говоря ни слова.

Около десяти часовъ утра *Вортлей* садился на софу по Турецкому обычаю, поджавъ ноги одну подъ другую съ весьма важнымъ видомъ; Арапъ же ставилъ предъ него порожній столъ.

Скоро по томъ поставляемо было кушанье, которымъ насыщался онъ съ глубокимъ молчаніемъ. Нѣсколько пониже его на полсти сидѣлъ Арапъ и ожидалъ остатковъ.

Столъ его былъ всегда умѣренной, и всѣ кушанья, объявленныя Алкораномъ за нечистыя, совершенно были отъ онаго изключены.

 Склон-

Склонность сего Кавалера къ Арапу столь казалася быть нѣжною, что Венеціанцы признавали оную за равную, каковою Греки упрекали Анакреонту. Утверждающимъ сіи мнѣнія доказательствомъ было необыкновенное усердіе молодаго Арапа къ своему господину. Онъ повсюду бѣгалъ за нимъ; никогда его не оставлялъ, и всегда имѣлъ стараніе поднимать шлейфъ его платья.

Вортлей во время прогуливанья на водѣ въ гондолѣ (*) заставлялъ двухъ гребцовъ въ самый полдень освѣщать себя факелами.

Ни одного часа во дни не проходило безъ того, чтобъ онъ не имѣлъ у себя курительной трубки во рту; курилъ же онъ родъ травы, похожей на бетелъ (**).

Часто

(*) *Гондола*, Италіанская шлюпка.

(**) *Бетелъ*, растеніе, которое Индѣйцы всякаго возраста и всякаго состоянія ѣдятъ безпрестанно.

Часто случалося, что когда биралъ онъ ртомъ длинной Турецкой чубукъ, то курилъ какъ бы изъ пустой трубки. Столь сильная была привычка, что однимъ напоминовенiемъ понуждаемы были мускулы къ сему движенiю.

Онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ обхожденiя. Агличанъ, своихъ единоземцовъ, жившихъ въ Венецiи, не болѣе уважалъ онъ, какъ и Италiанцовъ.

Наибольшее попеченiе имѣлъ онъ о бородѣ своей, которую отращалъ весьма длинную. Сiе самое побуждало Арапа его иногда говорить, что въ бытность ихъ въ Аравiи, по чрезвычайному плѣненiю господина его красотою своея бороды и цвѣту оной, его почитали за щеголя.

Госпожа *Рокколини* есть та особа, которая удостоила Кавалера *Вортлея* своимъ посѣщенiемъ.

 Сiя

Сія любви достойнѣйшая женщина, по пріятности ея души, по рѣдкому разуму и многимъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ ею во время достопамятныхъ ея путешествій, заслуживаетъ отъ всѣхъ похвалу.

Госпожа *Рокколини* предлагала Кавалеру *Монтегю* богатое жилище въ ея домѣ.

Вортлей принялъ сіе предложеніе, и въѣхалъ въ оный съ своимъ Арапомъ; но въ скоромъ времени прекрасное жилище превращено было въ скверную конюшню.

Рокколини весьма недовольна была неопрятностію своего гостя. Она принуждена была призвать мастеровыхъ людей для вынесенія навоза и очищенія половъ, вызолоченія вновь потолоковъ и поновленія зараженной табакомъ мебели отъ несноснаго онаго куренія.

Отъ

Отъ худаго употребленія Арапомъ шкафовъ и креселъ, оные совсѣмъ были изгажены.

Госпожа *Рокколини* не могла воздержаться, чтобъ не приносить жалобъ Кавалеру на чрезвычайную неопрятность его любимца; но *Вортлей* твердо вступался за своего невольника: онъ отрекался его наказывать, и вмѣняя себѣ за обиду, что столь мало его почитаютъ, выѣхалъ изъ дому.

Съ того времени Кавалеръ столь великое чувствовалъ неудовольствіе противу Венеціанъ, что предпріялъ ни съ кѣмъ болѣе не обращаться; и послѣ того малое толико время пробылъ въ Венеціи.

По томъ отправился онъ водою въ Розетту, гдѣ избралъ себѣ жилище за сорокъ миль отъ Александріи.

Здѣсь онъ жилъ съ послѣднею своею женою, родомъ изъ Ливор-

ны, дочерью одного трактирщика, принужденною имъ принять тотъ же чудный законъ, въ которомъ и самъ находился, и о которомъ клялся, что въ ономъ всю жизнь свою проведетъ и умретъ.

Познавъ всѣ законы, говорилъ Кавалеръ *Монтегю*, сему далъ я преимущество предъ прочими. — Не извѣстно, точно ли онъ всѣ оные испыталъ; только достовѣрно, что онъ рожденъ въ Реформатскомъ, а послѣ онаго принялъ Римско-Католической законъ.

Вортлей доволенъ былъ своимъ состояніемъ въ жизни своей; по малой мѣрѣ онъ показывалъ тотъ видъ. Его обстоятельства по справедливости не очень были завидны въ сравненіи съ тѣми, каковымибъ онъ могъ наслаждаться, естьлибъ получилъ то безчисленное богатство, котораго наслѣдства отецъ его лишилъ.

Еже-

Ежегодные его доходы состояли въ 6000 піастрахъ, присыланныхъ ему изъ Англіи сестрою его *Леди Бюде*, и въ 4000 піастрахъ, ежегодножъ получаемыхъ имъ отъ Порты.

Жизнь свою велъ онъ въ Розеттѣ почти также, какъ и въ Венеціи; очень рѣдко выѣзжалъ онъ изъ дому, и цѣлой день просиживалъ запершися съ своимъ Арапомъ, препровождая время отъ утра до вечера въ куреніи тобаку. Подушки, на которыхъ онъ сиживалъ днемъ, самыя тѣ же служили ему вмѣсто постели ночью.

Вортлей былъ чрезвычайно гордъ, и притомъ скупѣйшій и сребролюбивѣйшій изъ смертныхъ.

Съ давняго времени уже трудился онъ одинъ въ переводѣ нѣкоторой Арабской книги, которую подъ своимъ смотреніемъ отдалъ

далъ перевесть и на Италіанской языкъ.

Спать ложился онъ во всѣ времена года очень рано, а вставалъ всегда за часъ до свѣту.

Въ самую холодную зиму, также какъ и въ самое жаркое лѣто, мылся Кавалеръ *Вортлей* неупустительно по правиламъ Магомета весьма студеною водою: По семъ теръ онъ пескомъ тѣло свое съ головы до ногъ; въ продолженіи чего Арапъ, стоя подлѣ него, держалъ чашу съ водою и плескалъ ему въ бороду и на голову.

Когда сіе было исполнено, то Кавалеръ перемѣнялъ должность: мылъ и оплескивалъ также съ своей стороны Арапа.

По окончаніи всѣхъ сихъ набожныхъ обрядовъ, падалъ *Вортлей* на колѣни, имѣя лице обороченное къ солнцу, и болталъ нѣко-

нѣкоторыя Турецкія молитвы; по томъ, вставъ, прогуливался онъ съ полчаса; пришедши же, закуривалъ свою трубку и начиналъ пить кофей.

Въ ономъ состоялъ наибольшій его расходъ; ибо ни въ чемъ болѣе не была наблюдаема бережливость, какъ въ столѣ, состоявшемъ въ супѣ съ рѣпою, или съ другими овощьми; въ кускѣ баранины и въ весьма худомъ соусѣ, за которымъ слѣдовало нѣсколько сырыхъ луковицъ; и въ семъ состоялъ весь его обѣдъ; отъ трехъ же до четырехъ сарделей (*) и салатъ, составляли его ужинъ. Чтожъ принадлежитъ до напитковъ, то въ его домѣ, кромѣ чистой воды, болѣе ничего не было извѣстно.

Не смотря на то, Кавалеръ имѣлъ обыкновеннаго у себя гостя:

(*) *Сардель*, морская рыба.

стя: то былъ одинъ Турецкой купецъ, набожнѣйшій послѣдователь Алкорана. *Вортлей* приглашалъ его въ каждую недѣлю по однажды къ своему столу; Турокъ же сей столь много почиталъ его, какъ бы самаго Магомета.

Въ сей только день, то есть обыкновенно въ пятницу, казался *Вортлей* позабывшимъ свою скупость: онъ учреждалъ тогда весьма расточительно свой столъ, присовокупляя къ оному жаркое, либо часть баранины, либо индѣйку, либо гуся. Но и то правда, что остальное весьма тщательно было собираемо и сберегаемо къ наступавшему воскресенію.

Вся услуга, въ которой Кавалеръ *Вортлей* могъ имѣть нужду, отправляема была одною скверною старою работницею, занимавшею вмѣстѣ должности повара, домоправителя и камердинера.

Из-

Издержки на весь его домъ въ самый большой праздникъ состояли въ шести паулахъ.

По прошествіи около двухъ лѣтъ времени пребыванія *Вортлея* въ Розеттѣ, вздумалося ему опять возвратиться въ Венецію. Жизнь его тамъ столь же странная была, какъ и прежде: онъ столь былъ чуждъ, что и самые его единоземцы, въ Венеціи находившіеся, никакого не могли о немъ имѣть свѣденія.

Сіе было причиною мнѣнія, что Кавалера *Вортлея* болѣе въ живыхъ нѣтъ, и сродники его дѣйствительно дѣлали нѣкоторый приступъ къ наслѣдству въ его имѣніи.

Едва Кавалеръ узналъ о семъ, то предпріялъ самъ ѣхать въ Англію. Прежде писалъ онъ сбъ ономъ къ нѣкоторымъ стариннымъ его друзьямъ въ Лондонъ, и пору-

ручилъ для уничтоженія надежды родственниковъ его, пріискать ему по присланному отъ него портрету невѣсту молодыхъ лѣтъ, пригожую, и естьли возможно, беременную.

Сіе поручительство столь показалося страннымъ его корреспондентамъ, что за достойное почли напечатать оное въ Газетахъ. Сверьхъ ожиданія ихъ они были въ томъ удачны. Многія молодыя особы о себѣ увѣдомляли, изъ которыхъ и выбраны были сходственнѣйшія съ предписаніемъ.

Кавалеру дано было о семъ знать. Онъ подтвердилъ выборъ, и назначилъ день бракосочетанія.

Лишь только предпріялъ онъ намѣреніе ѣхать изъ Венеціи для совершенія брака, то вдругъ постигла его столь жестокая лихорадка, что, не взирая на всѣ чиненныя ему лѣкарствами вспоможенія,

женія, чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Венеціанцы, которые не по иному чему знали Кавалера *Вортлея*, какъ только по странному его поведенію, и которые отчасти признавали его за безумнаго, малую оказали ему честь во время его похоронъ. Они почитали его за отступника Христіанской церкви; потому и похоронили тѣло его просто на кладбищѣ вмѣстѣ съ пустынниками.

Надъ гробомъ его высѣчены были слѣдующіе худые стихи, сочиненные на простомъ Венеціанскомъ языкѣ:

Col culo in zu cola ſo barba in ſu
In ſepolto nel chioſtro ai remita ni
L' Anglo-Turco Baſtardo Montaigu
Accio ghe daga l'aqua ſantai cani (*).

(*) Не забудемъ, что сей почитаемый за безумнаго былъ совершенныхъ, рѣдкихъ и

полезныхъ дарованій человѣкъ, и что кромѣ посыланныхъ имъ Королевскому Обществу въ Лондонъ надписей, свѣтъ имѣетъ два весьма почитаемые опыта его трудовъ: *О произхожденіи и паденіи Римской Имперіи, и о причинѣ землетрясенія.*

Конецъ.

